

Глава 1

ЕЩЕ ДО ВОЙНЫ

Весна сорок первого года выдалась на Волыни холодная, с частыми дождями. В конце мая пришло тепло. Сплошным ковром вымахнула изумрудная трава, зеленели буковые рощи, тянулись вверх вековые платаны и огромные корабельные сосны.

Пограничный секрет в составе двух человек лежал на правом берегу реки Сан. Этот приток Вислы, неширокий в среднем течении, еще не вошел в берега и катился быстрым мутным потоком на северо-запад.

Сержант Николай Мальцев всматривался в тающую пелену утреннего тумана. Его напарник, Петро Чернышов, тоже делал вид, что внимательно наблюдает. Но парень к концу дежурства устал и порядком замерз. В первой половине июня ночи в здешних местах прохладные и влажные.

Пограничный секрет — та же засада. Утомительное наблюдение в укрытии за всем, что происходит в пределах видимости. Короткая ночь показалась Чернышову бесконечно долгой. Он находился на заставе около трех месяцев и, в отличие от Мальцева, еще не успел привыкнуть к ночным бессон-

ным дежурствам. Хотя перед этим давалось полдня, чтобы хорошенько выспаться.

В очередной раз встряхивая головой, Чернышов почувствовал, как его плечо больно сжали пальцы сержанта. Поперек течения быстро двигалась плоскодонка, в которой угадывались три человека. Один из них умело и бесшумно работал веслами. Шла она со стороны польского (скорее немецкого) берега. Лодка причалила шагах в восьмидесяти ниже по течению. С нее спрыгнули двое, оттолкнули плоскодонку, а человек на веслах так же быстро погнал свою легкую посудину снова к левому берегу.

Все это происходило практически бесшумно. Чернышов слышал журчание воды на перекате, стук колес далекого поезда, плеск крупной рыбыны, догоняющей добычу. Но впервые увиденный переход границы поразил его своей быстротой и призрачным беззвучием. Он понял, если бы не Мальцев, сам Петро прозевал бы лодку — слишком стремительно все происходило.

Действия наряда в таких случаях отрабатывались десятки, если не сотни раз, на занятиях в учебном отряде и позже на заставе. Сбросив шинели, оба пограничника бежали наперерез людям с другой стороны. Мальцев с автоматом ППД, Чернышов с винтовкой. Чужаки, увидев пограничников, бросились в разные стороны.

— Беги за тем, — отрывисто приказал Чернышову сержант. — Не упусти.

Человек, за которым бежал сам Мальцев, носил обычную одежду местных жителей: пиджак, брюки с напуском, сапоги.

Пограничники Берии

— Стоять! Вы нарушили государственную границу.

Это было обязательное предупреждение. Совершенно ненужное для людей, прекрасно знавших, что они делают. Мальцев, служивший без малого два года, не сомневался, что догонит чужака, хотя тот бежал довольно быстро, лишь изредка оглядываясь. Николай прибавил ходу, а нарушитель вдруг исчез.

Сержант тоже остановился. Он догадался, пришелец с другой стороны укрылся за деревом, а что последует за этим, один бог знает.

— Выходи на открытое место, иначе открываю огонь.

Мальцеву не нравились эти игры в прятки. В конце зимы нарушитель, которого он поймал, не пытался убежать, а сразу поднял руки. Но с зимы многое изменилось. И переходы пошли чаще, и на левом берегу прибавилось немецких войск. Нарушители стали решительнее, наглее и несколько раз вступали в перестрелку с пограничниками.

Мальцева беспокоило и то, что его напарник упустит второго чужака. Время тянуть было нельзя, но и срывать без оглядки вперед показалось сержанту рискованным. Николай уже приобрел за время службы то, что называется чутьем. Он повидал контрабандистов, беженцев, обычных крестьян, навещавших через границу родственников. Попадались люди с военной выправкой, непонятным взглядом, кое-кто имел при себе оружие.

С такими разбирались в особом отделе пограничного отряда и называли их киношным словом «шпион», которое сами погранцы употребляли ред-

ко. Чаще именовали их нарушителями, чужаками. Сейчас Мальцев явно почувствовал опасность.

— Вылезай, если не хочешь словить гранату. Быстрее.

В утреннем лесу негромкие слова были слышны далеко. Николай щелкнул затвором, сделал один и другой осторожный шаг. Услышал голос напарника, преследующего второго нарушителя, и в тот же миг ударил выстрел.

Пуля прошла в полуметре. Свист и щелчок о сосну заставили Мальцева отшатнуться. Человек в сером пиджаке выстрелил еще раз. Сержант увидел в его руке длинноствольный маузер, а пуля разрежала воздух совсем близко.

— Доиграешься. Бросай оружие!

Третья пуля выбила оранжевое облачко сосновой коры. Острая щепка вонзилась в шею. Игра разворачивалась по-крупному. Чужак знал, что пограничникам предписывалось открывать огонь в крайнем случае. Рассчитывал если не подковать сержанта, то приумерить пыл, остановить, а затем скрыться.

Дальше по склону холма начиналась густая чаща, в которой человек мог раствориться бесследно. Николай дал очередь, целясь в ноги. Здесь, на пограничном рубеже, существовали свои законы. Если в тебя стреляют, то сто китайских предупреждений не делают. По крайней мере те, кто постиг службу и не оглядываются на осторожные инструкции, которые можно толковать по-разному.

Приклад автомата ППД, к которому Мальцев привык как к родному, толкнул в плечо отдачей.

Пограничники Берии

Очередь взбила фонтанчики сухой хвои у ног бежавшего. Человек обернулся. Чего ты машешь своим маузером? Жри!

Пули хлестнули по сапогам, чужак вскрикнул, выронил оружие и покатился по земле, зажимая левую ногу. Мальцев, подбежав, отбросил в сторону маузер и наклонился над раненым.

Кажется, перестарался — левая нога перебита, вторая тоже прострелена. Из дырок в сапоге и штанины толчками вытекала кровь. Николай действовал быстро, прислушиваясь к шуму и голосу Чернышова на берегу.

Накладывать шину было некогда. Перетянул жгутом ноги под коленями, связал куском бечевки руки за спиной. Поймал наполненный болью и ненавистью взгляд мужика лет сорока пяти.

— Если отдохну... перед своими же ответишь.

Это не украинец и не поляк. Судя поговору, русский. Похоже, из бывших офицеров.

— Полежи, отдохни. И не дергайся.

Подобрав маузер, кинулся к реке. Пробегая мимо тайника с телефоном, прикинул: может, позвонить сначала на заставу? Не захотел терять минуту на объяснения дотошному дежурному. На заставе наверняка слышали стрельбу, поймут, в чем дело. Важнее выяснить, что там у Чернышова.

Выскочив на берег, увидел странное зрелище. Петро Чернышов стоял, держа винтовку наготове, целясь в человека, с поднятыми руками медленно отступавшего по воде.

— Стоять! — время от времени кричал Чернышов и угрожающе двигал стволом.

— Стою, стою, — послушно отвечал нарушитель, парень лет двадцати трех, и делал пару шагов в сторону левого берега. — Только не стреляй... я поляк. Понял? Мирный поляк.

На противоположном склоне стояли человек семь немецких солдат и офицер. Они пересмеивались и махали руками.

— Русские, в нашу сторону не стрелять. Конфликт... провокация.

Немецкий офицер говорил по-русски довольно чисто, с характерным акцентом. Нахватался слов, которые любят повторять приезжающие на заставу проверяющие, особенно политработники.

— Я родню приезжал побачить. Оружия нема, контрабанды тоже, а вы стрелять в меня собрались.

Тихая размеренная речь и снова два шага к левому берегу. Убаюкивает Петьку, а посреди речки линия границы. Уйдет ведь, паскуда.

— Двинься с места, и я тебе яйца отстрелю, — свистящим шепотом пообещал Мальцев.

Немецкий офицер засмеялся. Ему было интересно, что произойдет дальше. Он знал, как скованно ведут себя русские в приграничной полосе. Не секрет, что им предписано всячески избегать стрельбы и открытых конфликтов. Летчики Красной Армии никогда не стреляли по самолетам-нарушителям, зенитчики тоже лишь наблюдали.

Но пограничники принадлежали к ведомству НКВД, в Германии хорошо был известен их могущественный шеф, Лаврентий Берия, земляк и ближайший помощник Сталина. Заставы были хорошо вооружены, а бойцы в зеленых фуражках, подготов-

Пограничники Берии

ленные, физически крепкие парни, действовали хоть и осторожно, но уверенно.

Лейтенант понял, что широкоплечий светловолосый сержант не намерен упускать добычу. Судя по автоматным очередям, он уже расправился с одним из людей, которым немецкие саперы помогли пересечь реку. Лейтенанту было приказано ни во что не вмешиваться. Да он и не рвался помогать людям, которых офицеры Абвера сопровождали до реки и напутствовали. На армейских офицеров абверовцы смотрели с легким пренебрежением. Если так, то расхлебывайте неудачу сами.

Солдаты, окружавшие лейтенанта, тоже улыбались, но винтовки и автоматы держали наготове. ППД Мальцева висел на плече. Если в лесу он открыл огонь без колебаний, то здесь требовалась осторожность.

Не раздумывая, Николай вошел в воду, догнал пятывшегося парня, перехватил за шею и руку и поволок на берег. Из рта нарушителя вырвалось придушенное:

— Убивают... большевики убива...

— Заткнись, — выволакивая нарушителя, как куля с мукой, шипел Мальцев.

Офицер выплюнул сигарету и строго крикнул:

— Убивать нельзя. Можно отпустить...

— Сейчас выпущу, дожидайся, — бормотал Николай и раздраженно окликнул застывшего напарника: — Убери винтовку, не дразни союзников. Лучше помоги.

Когда парня скрутили, сержант козырнул офицеру:

— Все в порядке.

— Порядок, — согласился немец. — Попался гриб, лезь в кузов.

Если офицер снова улыбался, то один из солдат мрачно крутил на ремне автомат, то поднимая, то опуская ствол. Мальцев это заметил, но не подал виду. Хотя стало не по себе. Врежет очередь, и уйдет вся компания как ни в чем не бывало. Наглеют немцы.

Но уже слышался топот приближавшейся подмоги. Союзники-германцы не спеша шагали прочь от места происшествия.

Начальник заставы капитан Журавлев вначале послал Мальцева к санитару Фомиченко. Ефрейтор ловко извлек пинцетом острую щепку, вонзившуюся в шею, протер кожу йодом и перебинтовал, не смотря на протесты Николая.

— Чего я как клоун с ошейником ходить буду!

— Как же без повязки? Боевое ранение, — ухмылялся ефрейтор.

Носатый, с покрытыми оспинами лбом, Данила Фомиченко убрал бинт, ножницы и объявил:

— Можешь идти. Там тебя начальство заждалось. Опять хвалить будут. Может, медаль получишь.

— Пошел ты!

Хвалить его вряд ли будут, но капитан — мужик опытный и справедливый. Разберется.

Иван Макарович Журавлев выслушал доклад сержанта, задал несколько вопросов, затем сказал:

— Молодцы, что нарушителей не упустили. Решительно действовали.

Пограничники Берии

Мальцев никак не отреагировал на одобрительную оценку. Покосился на политрука Зелинского. Запустив пальцы в свою густую кучерявую шевелюру, тот что-то отмечал в блокноте. Опять пишет. Значит, недоволен.

— Крепко ты того мужика уделал, — вздохнул Журавлев. — Кость на две половинки. В окружной госпиталь повезли.

— А куда деваться? — по-простому объяснял ситуацию Мальцев. — Не абы с чем, а с маузером приперся. Три раза в меня стрелял.

— Это понятно. Если нарушитель оказывает вооруженное сопротивление, отвечать надо соответственно.

Политрук Илья Борисович Зелинский, оттопырив локти, вписал в свой блокнот какое-то важное слово и выразил свое отношение к происшествию.

— Вы, товарищ Мальцев, опытный пограничник, но пальбу зря открыли. Одиннадцать пуль в нарушителя выпустили. Хватило бы одной или двух. Грохот на весь берег.

Возможно, Николаю следовало ответить: «Виноват!» Но сержант виноватым себя не считал. Сейчас легко рассуждать, а когда в тебя садят с полусотни шагов из маузера, на все по-другому смотришь. Однако политрук считал, что Мальцев не понимает остроту ситуации, и напомнил ему:

— Обстановка на границе сложная. Глядя на вас, и подчиненный Чернышов такую же пальбу поднял бы.

— Не поднял бы, товарищ политрук. Чернышов парень выдержанный. К тому же у него винтовка.

Если бы и выстрелил, то раз или два, как вы советуете.

— Я стрелять никому не советую! — возмущенно удивился Зелинский. — Вы что, совсем бестолковый?

— Стараюсь, — неопределенно ответил Николай.

Журавлев, пряча улыбку, погладил коротко стриженную голову. Он знал Мальцева более года и ценил его как решительного и опытного пограничника, знающего свое дело. Оружие и прочие вещи задержанных отвезли в отряд. На заставе имелся именной маузер у старшины Будько. Как крепко бьет эта реликвия Гражданской войны, все хорошо знали. Двухдюймовую доску навывлет прошибает, под такую пулю лучше не подставляться. Поэтому капитан поддержал Николая:

— С маузерами шутки плохи. Это хорошо, что ты его обездвигил.

— Изрешетил, а не обезвредил. Помрет чего доброго, — нервничал политрук.

— Говно не тонет. Выживет, — отпарировал начальник заставы. — Значит, смеялись немцы?

— Дурака валяли.

— Это они любят. Самолет облетит наш аэродром или артиллерийский полк, после извиняются. Приборы навигации не так сработали, хотя видимость на полста километров. Культурная нация.

— Культурная, — подтвердил Илья Борисович Зелинский. — Товарищи Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Всякие там Шопены, Гете...

— Как Чернышов действовал? Для него, считай, боевое крещение.

Пограничники Берии

— Нормально. Второго нарушителя под прицел взял, не дал уйти.

— Ладно, иди отдыхай, Николай, — закончил разговор Журавлев. — На вечернем разводе объявим обоим благодарность.

— Насчет отпуска ничего нового?

— Какой отпуск? Разве не знаете обстановки? — встрял Зелинский. — Повышенная боеготовность.

— Знаю. Но отпуск еще на день Красной Армии объявили. И перед майскими праздниками обещали.

— Не об отпусках, о службе надо думать.

Политрук был как всегда прав. Что ни слово, то истина. Хоть и прописная. Про службу и про осторожность на границе. Когда Мальцев вышел из здания заставы, Петр Чернышов спросил:

— Ну что там, не ругались?

— Благодарность обещали объявить.

— Слава богу. Я думал, шум поднимут.

— Шум подняли бы, если б шпионов упустили.

— Они точно шпионы? — озабоченно спросил Петро, которого чаще называли Чернышом.

— О том мы никогда не узнаем. Да и не наше это дело. А вот винтовку больше никогда в сторону немцев не наставляй. Понял?

— Чего не понять?

— Пошли тогда оружие чистить и завтракать.

Дежурный, принимая автомат, винтовку, патроны и гранаты Ф-1, механически глянул в стволы. Сделал запись о расходе боеприпасов: одиннадцать патронов к автомату.

— Пострелял, Николай?

— И в меня тоже постреляли.

— Я видел этого, с перевязанными ногами. Волчара еще тот, зыркает, сожрать готов. Правильно, что не церемонился.

В столовой было пусто. Ночные дозоры уже позавтракали и отправились спать, вечерние готовились к дежурствам. Кормили пограничников хорошо. Пшенная каша с мясом, хлеб с маслом, крепкий горячий чай.

Повар был тоже в курсе происшествия и мяса не пожалел.

— Еще молоко имеется. Будете?

— Мне достаточно, — ответил Мальцев. — Может, Черныш захочет.

— Я буду, — сказал Петро.

Повар глянул на перевязанную шею сержанта.

— Зацепили, Микола?

— Щепка острая отлетела. А пули мимо прошли.

— Сегодня мимо, а завтра...

Повар, растолстевший на своей сытой должности, по-бабьи, подперев кулаками подбородок, раскачивал головой в белом колпаке.

— Осенью, помнишь, Гуськова Антона прямо в лоб уделали.

— Помню.

Николай дождался, пока напарник допьет молоко, и поднялся. Только сейчас почувствовал усталость и даже мелкую дрожь в руках. Как ни крути, а побывал сегодня рядом со смертью.

На следующий день Журавлев вместе с Зелинским ездили на совещание в пограничный отряд. Ничего особенного, еженедельная накачка командного состава. Услышали последние новости.

Пограничники Берии

Комиссар рассказал об активизации работы компартии Болгарии. Там проходят массовые митинги трудящихся с осуждением реакционной политики болгарского царя, заключившего союз с Гитлером. В Албании ширится партизанское движение против итальянских поработителей. Греческий патриот Манолис Глезос сорвал с афинского Акрополя фашистский флаг и водрузил на его место греческое национальное знамя.

Затем комиссар призвал всех еще раз к бдительности, потребовал не поддаваться на провокации и, утомившись, закончил довольно длинную речь.

Начальник пограничного отряда подполковник Платонов был более конкретен и в мировые проблемы не лез. Вел разговор о текущих задачах на охраняемом участке. Отметил, что только за последнюю неделю зафиксировано около двадцати случаев нарушения границы.

В основном идут навестить родственников, стараясь миновать посты. Есть контрабандисты, несут из Польши на продажу тряпки. Поймали при переходе на ту сторону местную жительницу, у которой обнаружили план аэродрома, где сосредоточен истребительный авиаполк.

— Это уже стопроцентная шпиенка, — наклонился к Журавлеву начальник соседней, пятой заставы, старший лейтенант Артем Ясковец. — Где же она его прятала? Не иначе, в трусах.

Предположение старшего лейтенанта услышали, прокатился негромкий смешок. Платонов, массивный, с бритой головой, поддержал смех и шевельнув щеточкой усов, заметил:

— Насчет аэродрома немцы осведомлены отлично. Его уже не раз самолеты-разведчики облетали. Ну, захотела тетка подзаработать, а не получилось. Ребята на восьмой заставе бдительность проявили.

— Ерунда какая-то, — не выдержал молодой начальник пятой заставы Ясковец. — Аэродром в двенадцати километрах от границы расположен. Если что, его из тяжелых орудий за полчаса уничтожат. Я уже не говорю про вражескую авиацию.

Поднялся шум. Сразу отреагировал комиссар отряда.

— Кто разнесет? Что за ерунда?

— Кому надо, те и разнесут, — упрямо лез на рожон старший лейтенант. — И чьи-то каракули, под одеждой спрятанные, не понадобятся.

— Аэродром надежно замаскирован, — важно произнес комиссар отряда. — Наготове дежурные истребители. И не наше дело обсуждать дела летунов.

Подполковник Платонов перевел разговор на другую тему. Напомнил о непростых взаимоотношениях с местным населением, которое частично сочувствует националистам и готово идти на стговор с немцами.

— А если конкретно, то призываю всячески укреплять отношения с местными жителями. Вот, на третьей заставе в прошлое воскресенье концерт провели. Местных жителей много пришло, особенно девушек. Хорошее дело.

— Бойцы уже поняли, — снова подал голос Ясковец. — Невестами активно обзаводятся.

Пограничники Берии

— Тоже палка о двух концах, — развел руками подполковник. — Молодые, как их удержишь. Но нелишне напоминать бойцам, чтобы не увлекались. В артиллерийском полку лейтенант бесследно пропал. Вроде пошел на свидание, и с концами. Проводится расследование, однако результатов пока нет.

— Бандеровцы сработали, — сказал кто-то.

— Может, и они. Напоминаю, что в увольнения по одному ходить запрещено. Узнаю, пеняйте на себя.

Затем подняли Журавлева. Он доложил подробности задержания двух нарушителей. У старшего группы изъяли маузер с запасом патронов, записную книжку, хороший электрический фонарь и батареи, которые могут служить для питания рации.

— Четко твои ребята сработали, — одобрил действия подчиненных Журавлева начальник отряда. — Старший пытался отстреливаться, но был ранен. Птица не простая.

Подняли еще одного командира заставы. Напомнили, как дозор упустил нарушителя.

— Он до реки добежал и сразу на тот берег поплыл, — оправдывался лейтенант. — Ребята стрелять вслед не стали, там немецкий патруль с пулеметами находился. Я считаю, огонь открывать в такой ситуации было нельзя.

— Нельзя, — согласился Платонов. — Но если мы нарушителей упускать будем, за какой хрен нам деньги платят? У Журавлева сержант грамотно сработал, отрезал одному путь к реке, ранил в ноги после короткой перестрелки, а второго за шиворот из